

© 2019. Б. Л. Тарасов

Литературный институт им. А. М. Горького
г. Москва, Россия

Понятия «христианской империи» в историософии Ф. И. Тютчева

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-00389*

Статья посвящена осмыслению Тютчевым особой роли России как страны, еще сохранявшей в качестве своей духовной и исторической основы истинное христианство. Миссия России, по мнению поэта, заключается в поддержании на земле порядка и исполнения высших законов, в избегании наступления царства беззакония. В работе показывается процесс осмысления Тютчевым нераздельности судеб священства и царства, неразрывности церковной и имперской истории России. Поэт считал, что православие наполняет смыслом деятельность государства: отрицание христианства и основанного на нем имперско-государственного строительства узаконивает греховное состояние человеческой природы. Называя Россию наследницей Византии, Тютчев приходит к выводу, что она стала выразительницей судеб целого племени и лучшей, неповрежденной и здоровой половины христианской Церкви. Поэт и мыслитель отмечал, что происходящие колебания христианских основ и соскальзывание с них личности, государства, общества, всего человечества в дохристианское язычество могут привести к страшным последствиям. Автор статьи анализирует мысли Тютчева по поводу кризиса современной цивилизации, духовная сущность которого заключается в отказе от представленной христианством свободы и в рабстве у автономного человеческого Я и обезбоженного государства.

Ключевые слова: Тютчев, христианская империя, государство, православие, Россия, Византия, современная цивилизация.

Информация об авторе: Тарасов Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького, ул. Добролюбова, д. 9/11, 127254, г. Москва, Россия
E-mail: forlit@litinstitut.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 26.10.2020

Дата публикации статьи: 08.12.2020

Для цитирования: Тарасов Б. Л. Понятия «христианской империи» в историософии Ф. И. Тютчева // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 94–103. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-94-103>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. B. L. Tarasov

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Moscow, Russia

The concept of “Christian empire” in the historiosophy of Fyodor Tyutchev

*The reported study was funded by RFBR,
project number 18-012-00389*

The article is devoted to Fyodor Tyutchev’s understanding of the special role of Russia as a country that still retains true Christianity as its spiritual and historical basis. The mission of Russia, according to the poet, is to maintain order on earth and the execution of higher laws, to avoid the onset of the realm of lawlessness. The work shows the process of Fyodor Tyutchev’s comprehension of the inseparability of the destinies of the priesthood and the monarchy, the inseparability of ecclesiastic and imperial history of Russia. The poet believed that Orthodoxy gives meaning to the activities of the state — the denial of Christianity and the imperial-state building based on it legitimises the sinful state of human nature. Calling Russia the heiress of Byzantium, Fyodor Tyutchev comes to the conclusion that it has become the mouthpiece of the fate of one big tribe and of the best, intact and healthy half of the Christian Church. The poet and thinker noted that the fluctuations of the Christian foundations and the slipping from them of the individual, state, society, all mankind into pre-Christian paganism (characteristic for the time of Fyodor Tyutchev) can lead to dire consequences. The author of the article analyses Fyodor Tyutchev’s thoughts on the crisis of the 19th century civilisation, the spiritual essence of which lies in the rejection of the freedom represented by Christianity and in state of enslavement by the autonomous human self and by the undefied political power.

Keywords: Fyodor Tyutchev, Christian empire, state, Orthodoxy, Russia, Byzantium, late modern period.

Information about the author: Tarasov Boris Nikolaevich, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Literature of the Literary Institute named after A. M. Gorky, st. Dobrolyubova, 9/11, 127254, Moscow, Russia

E-mail: forlit@litinstitut.ru

Received: October 26, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Tarasov B. L. The concept of “Christian empire” in the historiosophy of Feodor Tyutchev. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 94–103. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-94-103>

В центре незаконченного трактата «Россия и Запад», который Тютчев считал своим политическим завещанием, стоит понятие «христианской империи», что существенно корректирует сложившиеся представления о нем как о сугубом этатисте или панслависте. «Что такое Империя? Учение об Империи. Империя бессмертна. Она передается <...> 4 сменявшихся Империи. 5-я — последняя и окончательная» [Тютчев 3: 111].

Имеется в виду широко распространенная в Средние века и восходящая к толкованиям на книгу пророка Даниила теория «*translatio imperii*» — «передачи», «переноса», «перехода» единой мировой державы, которая в каждую историческую эпоху может быть только одна. По представлениям идеологов Западной империи, с коронацией Карла Великого начинается *translatio imperii* от греков к франкам и затем к германцам, что положило начало «Священной Римской империи». Последняя претендовала на восстановление прерванной преемственности от Рима и соперничала с Византией за право быть вселенской державой, что породило проблему «двух императоров» и сопровождалось в последующем схизмой, разделением Церквей. С точки зрения Тютчева, подобная «передача полномочий» стала «незаконной» и «узурпаторской», ибо «Священная Римская империя» как бы параллельно повторяла Византийскую, Константинопольского патриарха заменял римский папа, а василевса — новоявленный император, после того как империя была законно перенесена на Восток.

Для понимания тютчевских представлений о христианской державности необходимо иметь в виду сформулированный «на Востоке» при императоре Юстиниане I (483–565) в шестой новелле Юстинианова кодекса идеал монархической государственности как «симфонии» священства и царства, Церкви и императорской власти, обретающей источник, силу и смысл своей деятельности во служении Христу.

В противоречивом единстве «восточного» наследования имперской идеи Тютчев подчеркивает не связь, а разделение между Римской

(языческой) и Византийской (христианской) империями. Более того, в «языческой мысли» Древнего Рима он видит неумирающую традицию: «Это Кесарь, вечно воюющий со Христом» [Аксаков: 131].

В наследии «вечного» Рима Тютчев проводит принципиальное разграничение, отражающееся на всех этапах и сферах его мысли, между языческим «старым» и христианским «новым» Римом. «Особенностью использования Тютчевым теории мировых монархий является разделение Римской и Восточной (Константинопольской) империи, чем подчеркнута различие между языческой первой и христианской второй. Он не изложил своих представлений о соотношении между четвертой и пятой империями. Тем не менее, факт вычленения Восточной империи как самостоятельной, отдельной от Римской, присвоение ей собственного номера означает, что автор трактата видит разрыв, а не связь между ними. Проектируемая им греко-славянская держава выступала продолжателем и залогом последней, пятой, христианской империи, а не четвертой, Римской» [Синицына: 20].

Когда Тютчев пишет, что «с Константина начинается 5-я и окончательная Империя, христианская Империя» [Тютчев 3: 198], он связывает «окончателность» Империи с ее христианской сущностью, утверждение которой выразительно проявилось в правление Константина Великого (306–337), продолжавшего традиции «великого» Рима, отмежевавшегося от «падшего» и основавшего Второй Рим. Вл. С. Соловьев подчеркивает: «Языческий Рим пал потому, что его идея абсолютно, обожествленного государства была несовместима с открывшеюся в христианстве истиной, в силу которой верховная государственная власть есть лишь *делегация* действительно абсолютной богочеловеческой власти Христовой» [Соловьев: 562].

Новое понимание делегации властных полномочий, которое и с точки зрения Тютчева есть единственно истинное и законное, заключается в божественном предназначении Империи (метафорическое обозначение Христа как Императора и Царя происходит из Священно-го Писания), в исполнении воли Бога.

Повинуясь этому долгу, «Константин смотрел на себя не как на главу Церкви, а как на Божия служителя, действующего об руку с Церковью. У него было выражение, что он есть епископ по внешним делам (*episcopus laicus*) <...> Император считал себя обязанным заботиться о мире святых Божиих Церквей, наблюдать за точным исполнением цер-

ковных постановлений между своими подданными мирянами и самим духовенством и заботиться о распространении христианства между язычниками. Постепенно в Византии было оформлено твердое учение об отношениях между властями Церкви и государства <...>. Это и есть единственно правильная идея. Но фактическое ее осуществление более всего зависит от степени искренности взаимоотношений, а это, в свою очередь, определяется глубиной и искренностью веры в народе и в представителях власти церковной и гражданской. Фактически независимость Церкви в ее беспорнейших правах нарушалась всюду, а церковные власти, в свою очередь, при разных случаях вмешивались в не касающиеся их государственные дела, и столкновения между обоими учреждениями наполняют всю историю» [Тихомиров: 272–273].

Действительно, «единственно правильная идея» во взаимоотношениях Церкви и государства, как отмечает Тютчев, неоднократно искажалась в конкретной практике, что и предопределяло периоды «слабости, остановок, помрачения» византийской монархии. Он имеет в виду деятельность императоров-ересиархов, императоров-иконоборцев в Византии, частые нарушения «симфонии», отсутствие четких законов о престолонаследии, политическое вероломство и эпизоды насильственного захвата власти, дворцовых переворотов, Флорентийскую унию (1439 г.), духовное падение Константинополя под тяжестью собственных грехов и последующее завоевание турками, а также отступления наследовавшей христианскую империю России от чистоты самодержавных основ в союзе церкви и государства, что неоднократно подвергалось поэтом критическому осмыслению. С точки зрения Тютчева, именно искажение и обессмысливание нормативного идеала «симфонии» священства и царства исторически приводит в конечном итоге к «обессоливанию», обессиливанию, узурпированию и падению христианской империи.

Тютчев утверждает, что «идея Империи была душой всей истории Запада» [Тютчев 3: 196]. Начиная с Римской империи, эта идея постоянно воодушевляла европейский мир. Историк Е. Ф. Шмурло подчеркивал: «Рим оставил народам в наследие великую идею единой всемирной монархии. Вы знаете, какое яркое выражение нашла эта идея в лице Карла Великого, в Оттонах Саксонской династии, в Гогенштауфенах, как импонировала она умам Западной Европы, давала тон всему Средневековью...» [Шмурло: 57]. В постсредневековый период идея

всемирной империи постепенно теряла христианские и приобретала чисто светские черты.

«Священная Римская империя германской нации» стала полем деятельности императоров времени, среди которых особо выделялся Карл V. Христианские и династические элементы в имперской идее на Западе сочетались с притязаниями на гегемонизм и светское мировое господство, что по-разному проявлялось в правление Людовика XIV и Наполеона, символизировавших для Тютчева важные этапы развития имперского сознания в Европе на фоне такового в России. 4 октября 1853 г. дочь поэта Анна записала в дневнике: «Нового Сомнения нет, мы, Россия, на стороне правды и идеала: Россия сражается не за материальные выгоды и человеческие интересы, а за вечные идеи <...> Неужели, как постоянно и в прозе, и в стихах повторяет мой отец, неужели правда, что Россия призвана воплотить великую идею всемирной христианской монархии, о которой мечтали Карл Великий, Карл Пятый, Наполеон, но которая всегда рассеивалась как дым перед волей отдельных личностей? Неужели России, такой могущественной в своем христианском смирении, суждено осуществить эту великую задачу?» [Тютчева: 124].

Однако «Империя на Западе всегда становилась захватом и присвоением» [Тютчев 3: 196]. Имеется в виду отсутствие божественной легитимности и подлинной преемственности вследствие искаженного христианства, на основе которого строилась Западная империя. По его убеждению, уже само «незаконное» восстановление империи на Западе при Карле Великом (в нарушение ее «законного» переноса на Восток при Константине Великом) послужило источником подразумеваемых захватов и присвоений.

«Законная Империя осталась преемственно связанной с наследием Константина», — пишет Тютчев в трактате «Россия и Запад» [Тютчев 3: 196]. Подразумевается монархическая Русь, сохранявшая древние церковные заветы и предания и законно унаследовавшая после Флорентийской унии, завоевания Константинополя турками и падения Византии миссию христианской империи.

Таким образом, Россия оказывается третьим воплощением «Ромейского царства» в метаморфозах «четвертого царства» пророчества Даниила и призвана исполнять роль «удерживающего» от наступления «царства беззакония» и прихода «сына погибели». Хотя Тютчев не

употребляет понятия «Третий Рим» и вряд ли был знаком с текстами старца Филофея (они стали публиковаться только в 1860-е гг.), их эсхатологическая логика в понимании России как «окончательной» христианской империи (хранящей православную веру и противостоящей языческим и апостасийным тенденциям истории) типологически оказывается сходной. В аналогичном значении Тютчев употребляет понятие «Святая Русь» («Не верь в Святую Русь кто хочет, лишь верь она себе самой»), которое встречается и у Филофея («Святая и Великая Россия») в послании великому князю Василию III.

В разгар европейских революций, в мартовском письме 1850 г. П. А. Вяземскому Тютчев заводит речь о кризисе современной цивилизации, духовная сущность которого заключается в отказе от представленной христианством свободе и в рабстве у «самовластного» автономного человеческого Я и обезбоженного государства. «Подчинение Человека Богу сокрушило рабство человека человеку. Или, скорее, оно его преобразило в добровольное и свободное повиновение, ибо таково по существу отношение христианина к Власти, у которой он не признает другого авторитета, кроме переданного ей Верховным Владыкой всяческих. Вот почему современная мысль, эмансипируя человека от Бога, тем самым отнимает всякий авторитет у какой бы то ни было власти. Другими словами, никакого принципа власти не может существовать в наши дни для общества, которое было христианским и перестало им быть...» [Тютчев 5: 18].

Тютчев полагал, что эволюция имперского принципа на Западе приводила к постепенному «истощению» его христианских основ, что обернулось фундаментальной антропоцентрической революцией, определившей в эпоху Возрождения кардинальный сдвиг общественного сознания для новой и новейшей истории. Разорвавший с Церковью Гуманизм, как подчеркивает он в трактате «Россия и Запад», породил реформацию, атеизм, революцию и всю «современную мысль» западной цивилизации. «Мысль эта такова: человек, в конечном итоге, зависит от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть исходит от человека, все провозглашающее себя выше человека — либо иллюзия, либо обман» [Тютчев 3: 180].

По наблюдению поэта, отречение от «Верховного Владыки всяческих», колебания христианских основ и соскальзывание с них

личности, государства, общества, всего человечества в дохристианское язычество и происходит «в новейшей современной мысли». Эта мысль развивается «в противодействии христианскому закону» и в самообожествлении человека с его непреобразенной эгоцентрической природой и утрачиванию им подлинного источника власти. С историософско-антропологической точки зрения Тютчева, отрицание христианства и основанного на нем имперско-государственного строительства узаконивает греховное и непреобразенное состояние человеческой природы, являющееся источником неосвященного высшим смыслом исторического творчества.

Именно поэтому Тютчев рассматривал Россию, еще сохранявшую в качестве своей духовной и исторической основы «неповрежденное» христианство, как прямую правопреемницу «наследия Константина» и третье воплощение (Третий Рим) «Ромейского царства» после завоевания Константинополя турками и падения Византии: она и призвана в конечных метаморфозах «четвертого царства» пророчества Даниила исполнять роль «удерживающего» от прихода «сына погибели» и «царства беззакония».

Согласно логике поэта, в нераздельности судеб священства и царства, неразрывности церковной и имперской истории православие занимает иерархически главное место, освящает понятие «законной власти», является «духом», оживляющим «тело» государства, наполняющим смыслом его деятельность, упорядочивая и сдерживая ее от падения в гибельную языческую самодостаточность. Он также приходит к выводу, что наследница Византии стала «единственной выразительницей двух необъятных явлений: судеб целого племени и лучшей, самой неповрежденной и здоровой половины христианской Церкви» [Тютчев 3: 240].

Поэт неоднократно подчеркивает онтологические и исторические преимущества (ими можно при должном их осознании воспользоваться или, напротив, не воспользоваться) связи славянских народов (прежде всего, русского) с «лучшим», неискаженным и неразвращенным христианством, обозначая (подобно «духу» или «телу») православие как «принцип», а славянство как соответствующую ему племенную среду.

Вместе с тем Тютчев прекрасно осознавал, что оскудение «духа» и «принципа» в «теле» и «среде», нарушение должной субординации

между ними ведут к перерождению христианской империи, понижению ее целей и задач». Поэт неоднократно подвергал критике и постепенное отступление России от чистоты самодержавных основ в союзе Церкви и государства, приводящее в реальной действительности к искажению нормативного идеала «симфонии» священства и царства, а в возможной перспективе — и к падению христианской империи и революционным катаклизмам.

Список литературы

- Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: типография М. Г. Волчанинова 1886. 327 с.
- Синицына Н. В. Третий Рим. История и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 410 с.
- Соловьев Вл. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
- Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. 592 с.
- Тютчев Ф. И. Собр. соч. и писем в 6 т. М., 2003–2007.
- Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 396 с.
- Шмурло Е. Ф. Москва — Третий Рим // Славяноведение. 1997. № 5. С. 52–66.

References

- Aksakov I. S. *Biografiia Fedora Ivanovicha Tiutcheva* [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev]. Moscow: tipografiia M. G. Volchaninova Publ., 1886, 327 p. (In Russ.)
- Sinitsyna N. V. *Tretii Rim. Istoriia i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii* [History and evolution of the Russian medieval concept]. Moscow, Indrik Publ., 1998, 410 p. (In Russ.)
- Solov'ev Vl. S. *Soch.: v 2 t. T. 2.* [Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 822 p. (In Russ.)
- Tikhomirov L. A. *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and Philosophical Foundations of History]. Moscow, 1997, 592 p. (In Russ.)
- Tiutchev F. I. *Sobr. soch. i pisem v 6 t.* [Collected works and letters in 6 vols.]. Moscow, 2003–2007. (In Russ.)
- Tiutcheva A. F. *Pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniia. Dnevnik. 1853–1855* [At the court of two emperors. Memories. A diary. 1853–1855.]. Tula, Priok. kn. izd-vo Publ., 1990. 396 p. (In Russ.)
- Shmurlo E. F. *Moskva — Tretii Rim* [Moscow — the Third Rome]. *Slavianovedenie* [Slavic studies]. 1997, № 5, pp. 52–66. (In Russ.)